
Стаття надійшла до редакції 09.03.2017

Перевірено на плагіат 10.10.2017 р.

унікальність – 93.66%

УДК 81-112:39

LADA В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ**Бальсис Римантас, rimantas.balsys@ku.lt**

д-р гуманит. наук, проф.,

Клайпедский университет, Литва

В статье анализируются балтийские и славянские источники, в которых упоминается Лада (Lada) и другие формы этого теонима. В частности, рассматривается проблема аутентичности Лады (Lada) в балтийском пантеоне на основе работ мифологов, фольклористов, этнографов, ссылаясь на данные истории, лингвистики, этнографии, фольклористики. Ученые по-разному трактуют источники, в которых упоминается Лада (Lada), а также вариативно оценивают подлинность Лады (Lada) в балтийском пантеоне. Таким образом, по мнению многих исследователей, божество придумали сами летописцы, но есть также и те, кто не сомневается в аутентичности Лады. Анализ письменных источников позволяет утверждать, что безосновательно говорить о поклонении Ладе, Ладо, Леде среди балтов. Соотнести Ладу (Ладона) с балтами можно лишь в случае свободной компиляции письменных источников, приписываемых славянам. Балтийские источники свидетельствуют только о наличии обрядов, во время которых пелись песни с повторяющимися рефренами *lado*, *laduto* и пр. Зафиксированная в балтийских и славянских письменных источниках и фольклоре лексема *lad-* (разные формы) принадлежит общему слою балтийской и славянской лексики.

Ключевые слова: мифология, богиня Лада, балтийский пантеон, фольклор.

ЛАДА В БАЛТІЙСЬКИХ І СЛОВ'ЯНСЬКИХ ДЖЕРЕЛАХ**Бальсис Р., rimantas.balsys@ku.lt**

д-р гуманит. наук, проф.

Клайпедський університет, Литва

У статті аналізуються балтійські та слов'янські джерела, в яких згадується Лада (Lada) та інші форми цього теоніма. Зокрема, розглядається проблема автентичності Лади (Lada) в балтійському пантеоні на основі праць міфологів, фольклористів, етнографів, посилаючись на відомості з історії, лінгвістики, етнографії, фольклористики. Учені по-різному трактують джерела, в яких згадується Лада (Lada), а також варіативно оцінюють достовірність Лади (Lada) в балтійському пантеоні. Таким чином, на думку багатьох дослідників, божество вигадали самі літописці, але є також і ті, хто не сумнівається в автентичності Лади. Аналіз письмових джерел дозволяє стверджувати, що безпідставно говорити про

Актуальні проблеми мовознавства© Бальсис Р., rimantas.balsys@ku.lt

Лада в балтійських і слов'янських джерелах (Російською)

поклоніння Ладі, Ладо, Леді серед балтів. Співвіднести Ладу (Ладона) із балтами можна лише в разі вільної компіляції письмових джерел, що приписуються слов'янам. Балтійські джерела свідчать тільки про наявність обрядів, під час яких співали пісні з повторюваними рефренами *lado*, *laduto* тощо. Зафіксована в балтійських і слов'янських писемних джерелах і фольклорі лексема *lad-* (різні форми) належить спільному шару балтійської і слов'янської лексики.

Ключові слова: міфологія, богиня Лада, балтійський пантеон, фольклор.

LADA IN BALTIC AND SLAVIC WRITTEN SOURCES

Balsys R., rimantas.balsys@ku.lt

Ph.D, Professor

Klaipeda University, Lithuania

The article discusses the nature of written Baltic and Slavic sources which reference Lada and Ladona (and also other forms of this theonym) and attempts to answer the question of this deity's authenticity in the pantheon of the Balts based on the work of earlier investigators and ethnographic, folklore, historical and linguistic material. The problem of Lada's authenticity has intrigued/interested investigators of the ancient religion and mythology of the Balts from the first half of the 19th century until the present time, although they have evaluated the references to this deity in diverse ways. Part of Lithuanian investigators of mythology have treated Lada (Ladonas) critically. Another group of investigators has harbored no doubts on the authenticity of Lada (Ladonas). The opinions of investigators from other countries have also diverged on the question of reliability of the sources, and, subsequently, on the authenticity of the deity Lada (Ladonas).

Key words: mythology, goddess Lada, the Baltic pantheon, folklore.

Введение

Исследователи славянской мифологии уже с XIX века задаются вопросом: была ли у славян богиня Лада? В 1884 г. А. С. Фаминцын обобщил многочисленные этнографические материалы всех славянских стран, в которых упоминается Лада. Ученый считал, что Лада – это богиня брака и веселья, славянская *Vona Dea*, связанная с весенними и свадебными обрядами [Фаминцын 1884, 254-274]. О Ладо как о славянском боге, кроме всего прочего выполняющем и функции покровителя венчания, говорит белорусский историк Н. М. Никольский [Никольский 1956, 149]. Славянской богиней, покровительницей свадьбы и семьи, считает Ладу исследовательница болгарских календарных обычаев Т. Колева [Колева 1973, 266-283]. Согласно А. Н. Афанасьеву, Лада является славянской покровительницей любви и браков, богиней юности, красоты и плодородия [Афанасьев 1983, 77]; Ю. Миролюбов считал Ладу покровительницей мира, согласия, семейного счастья, щедрости, плодородия у древних славян, которые при обнаружении следов в росистом поле

или на лугу говорили: “Щедрая Лада прошла, будет обильный урожай” [Миролюбов 1996, 136.].

Не меньшее количество исследователей отрицает аутентичность подобного славянского божества. Например, Е. В. Аничков высказывался о Ладе очень категорично: “...славянский Олимп не играет никакой роли в исследовании народной обрядности. Не говоря уже о богине Весны, о разных Лелях, Ладах, Живах и пр., которые прямо были измышлены и никогда не существовали, даже такое божество, как Ярило, в существовании которого, по-видимому, нельзя усомниться, не должно вовсе останавливать на себе наше внимание” [Аничков 1903, 40].

А. Брюкнер в ряде работ также высказался против признания Лады древнеславянской богиней, поскольку, по его мнению, “Ой, Ладо” или “Лада, лель-люли” являются всего-навсего бессмысленным припевом [Brückner 1918, 158–160]. Подобная аргументация практически целиком повторяется в концепциях С. Урбанчика, Н. М. Гальковского и других ученых [Urbanczyk 1947, 79; Гальковский 1916, 35].

Известнейшие исследователи славянской мифологии В. Н. Топоров и В. В. Иванов признают, что все еще господствующим является недоверительное отношение к Ладо и другим подобным божествам [Иванов, Топоров 1965, 58, 61].

Многочисленные высказывания, мнения, публикации, посвященные проблеме аутентичности Лады в славянской мифологии, можно обобщить словами Б. А. Рыбакова: “С одной стороны, мы располагаем данными о широчайшем распространении имени *Лады* в фольклоре всех славянских (и даже некоторых балтийских) народов и сведениями историков, начиная с XV в., а с другой стороны, целый ряд крупных исследователей конца XIX – начала XX вв. выразили категорическое сомнение в существовании такой богини. [...] Литература о Ладе велика и крайне противоречива. Точки зрения высказывались прямо противоположные” [Рыбаков 1981].

Литовские фольклористы, этнографы, мифологи, как и ученые из других стран, также интересуются проблематикой аутентичности божества Лады. Таким образом, цель статьи – проанализировать и охарактеризовать балтийские письменные источники, в которых упоминается противоречиво оцениваемое божество *Лада*, *Ладон* (имеются в виду разные формы этого теонима в письменных источниках) для решения вопроса о его аутентичности в пантеоне балтов. В статье автор опирается на работы исследователей-предшественников, а также на фольклорный, исторический и лингвистический материал.

История вопроса

Актуальная проблема аутентичности Лады начала вызывать интерес у ученых, занимающихся вопросами религии и мифологии древних балтов в первой половине XIX в., однако сведения в письменных источниках и фольклорных текстах оценивались ими неоднозначно.

Часть литовских исследователей мифологии относились к Ладе (Ладану) критично. Так, С. Станявичюс (примерно 1838 г.) критиковал М. Стрыйковского, утверждая, что “величие этого бога и его имя являются вымыслом”, поскольку никто не может определить его функции. Ученый пришел к выводу, что слово *lado* является одним из часто повторяющихся в литовских народных песнях бессмысленных слов: “Слова “*lado! lado! lado! didis musu Diewe!*” означают то же, что слова – “*tau giedu, tave garbinu, didis mūsų dieve!*” [Stanevičius 1967, 287–288].

С. Даукантас (1845 г.) осудил М. Стрыйковского за то, что тот не до конца понимал жемайтское наречие и вместо “*Titis leido, Titis leido*” (т. е. Перкунас – Р.Б.) записал *Didis Ledo* (Великий Ледо) [Daukantas 1976, 494, 542]. Ладу (Ладана) не считали божеством и М. Акелайтис, Г. Узенер, В. Манхарт, В. Й. Мансикка, П. Шмитс и др.

В свою очередь, Д. Пошка, А. Юцевичюс, Т. Нарбутас, П. Дунделене, отчасти и Н. Велюс, Е. Алекнайте, Л. Климка, Н. Лауринкене, Д. Шешкаускайте не сомневались в аутентичности Лады.

Д. Пошка в статье, написанной примерно в 1823 г., отмечает, что Великий Ладос сохранился в детских играх и до сих пор упоминается жемайтскими нянями, потому что они, хлопая в ладоши, поют детям: “*Lado lado laduti, duos tamalė paputį*” [Poška 1959, 336–337]. Т. Нарбутас (1835 г.) Ладу относит к мифологии всех народов северной Европы. По его мнению, славяне, эстонцы и литовцы поклонялись ей как богине, опекающей детей, поэтому ей (как и богам Ганиклису и Солнцу) посвящен праздник, который отмечается в середине мая. Со временем этот праздник, по мнению Т. Нарбутаса, совпал с христианским Днем Святой Троицы [Narbutas 1998, 115–116, 328]. И. Й. Хануш и Ю. И. Крашевский следовали за Т. Нарбутасом и сопоставляли Ладу (Ладос) с солнцем, а сам праздник считали летним праздником солнца [Lietuvių mitologija I 1995, 118, 192]. Л. А. Юцевичюс (1846 г.) напоминает, что автор первого источника, т. е. Я. Длугош, Лядо (Ладу) считал славянским божеством, заимствованным из греческой и римской мифологии, и уточняет, что это божество “в России и Литве также покровительствовало венчанию и гармонии” [Jucevičius 1959, 234, 236].

Активнее всех в литовской научной литературе культ Лады популяризировала П. Дундулене. В частности, в 90-е гг. XX в., некритично воспользовавшись славянскими источниками, работами российских фольклористов и мифологов, а также поздними, ничем необоснованными размышлениями А. Юцевичюса и М. Валанчюса, она утверждает, что Леда была великой Богиней-Матерью, а её дочь Лела – посредницей между землей и небом: “Считалось, что обе они воскрешают весеннюю природу, пробуждают растительность, дарят дождь и росу, также являются покровительницами брака, супружеской жизни, деторождения” [Dundulienė 1990, 25–260]. В работе “Язычество в Литве”, не представляя, по сути, никаких аргументов или даже

ссылок, П. Дундулене отмечает, что “Великая Богиня-Мать Лада и ее дочь Лела старше античных богинь”, а ареал их культа распространяется “от Адриатического моря до Камыи от Балкан до Балтийского моря” [Dundulienė, 1989, 61]. К тому же, описывая богинь Ладу и Лелу, многие утверждения она заимствовала из работы А. Рыбакова “Язычество древних славян”.

Н. Велюс, сопоставив балтийские и славянские письменные источники, а также семантику слова *лада* в балтийских и славянских языках, воздерживается от окончательных выводов, утверждая, что “сведения летописцев о том, что Ладом (Ладона) был богом (или богиней), почитаемым литовцами, русскими и соседними народами, не совсем выдуманы”. Идею о том, что в балтийской и славянской традициях *ладом* могло иметь мифологический смысл, по мнению Н. Велюса, можно объяснить наличием персонажа греческой мифологии *Ладона*, если только “совпадение их имен не является случайным” (Vėlius 1998, 26).

В работах исследователей XXI в. появляются новые (правда, не слишком оригинальные) замечания. Так, Е. Алекнайте утверждает, что богиня Лада является одним из самых главных женских божеств, вероятно наиболее перенявшей функции Богини-Матери, а следы поклонения ей можно обнаружить в празднованиях Пасхи, Троицы, дня Ивана Купалы, Юрьева дня, Вознесения Девы Марии, т.е. праздников, связанных с возрождением времени, первыми сельскохозяйственными работами, сбором урожая, а Вознесение Девы Марии является праздником, “указывающим на связь Лады и св. Марии” [Aleknaitė 2003, 15]. Л. Климка [Klimka 2003, 18] Леду (Ладу) считает богиней, которой поклоняются в третий и четвертый день (день льда) после самых важных праздников начала весны и лета – Пасхи и Троицы (влияние суждений М. Валанчюса).

Обобщая приведенную в статье краткую историю исследований, опубликованных в Литве во второй половине XIX–XXI вв., можно отметить, что ни один из упомянутых авторов, высказывая свое мнение об аутентичности рассматриваемого божества, не предоставил важные, неоспоримые аргументы.

Письменные источники и их характеристика

1. Обзор и анализ источников, приписываемых балтам, имеет смысл начать с работы Ю. Длугоша. Причиной является то, что впоследствии на его концепции опирались исследователи литовских и жемайтских богов и обрядов. В написанной ученым в XV в. “Истории Польши” среди других принадлежащих полякам божеств впервые упоминается *Lyada*, которое уподобляется Марсу, и *Dzydzilelya*, уподобляемое Венере [Dlugossius, 1873, 47].

Ю. Длугош, как и другие летописцы того времени, пользовался не только ранними источниками – Польской, Российской и Литовской хрониками, летописями, церковными архивами, но и воспоминаниями современников. Необходимо отметить, что он не внес в список богов ни *Lyados* ни *Dzydzilelos*,

Актуальні проблеми мовознавства

© Бальсис Р., rimantas.balsys@ku.lt

Лада в балтійських і слов'янських джерелах (Російською)

которым поклонялись литовцы, жемайты и йотвинги. По его мнению, “племена поклонялись богу Вулкану в огне, Юпитеру – в молнии, Диане – в лесах, Эскулапу – в змеях и ужах” [Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai I 1996, 578]. Этот список отчасти соответствует (за исключением Эскулапа, попавшего в список Длугоша из-за широкого распространения культа ужа) приписанным литовцам богам из Ипатьевской летописи (Диверикз, Телявель, Медейна, Бог зайцев) и хроники И. Малалы (Перкунас, Телявель, Жворуна). Таким образом, можно сделать вывод о том, что Ю. Длугош различал балтийские и славянские божества, поскольку пользовался, как было упомянуто выше, не только более ранними источниками, но и воспоминаниями современников (уже крещенных, но приверженцев старых форм религии), но намеренно не причислил Ладу к балтам.

2. Упоминания о том, что Лада или Ладон, возможно, могли быть известны и литовцам, впервые встречаются в опубликованном в 1555 г. труде М. Кромера “О происхождении и деяниях поляков”. Сначала автор повторяет Ю. Длугоша, приписывая Ладу и Ладона (*Ladum, Ladonem*) полякам и другим славянским племенам, а позднее, опираясь уже на собственные наблюдения, описывает обычай, “который по сей день сохранили русские и литовцы”: мужчины и женщины, старики и юноши того времени, проживающие в деревнях, “в те дни, которые мы называем Троицей <...> водят хороводы и, хлопая в ладоши, повторяют имя Ладона (*Ladonem*)” [Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai II 2001, 415, 419]. Следует отметить по крайней мере три характерные для этого письменного источника вещи: 1) М. Кромер компилирует сведения из более ранних источников (Ю. Длугош, Ян из Михочина), 2) как и более ранние авторы (Ю. Длугош, Ян из Михочина), относит *Ladum, Ladonem* к полякам и другим славянским племенам; 3) фиксирует русский и литовский обычай XVI в., во время которого водят хороводы и поют, хлопая в ладоши и повторяя имя *Ladonem* (по всей вероятности, речь идет об исполнении сутартинес).

3. Основным источником, на который ссылаются почти все исследователи, относящие *Ladum, Ladonem* к литовцам, является хроника М. Стрыйковского (1582 г.). Целесообразно более подробно рассмотреть представленную в нем информацию. Так, в главе “О древних обрядах или, вернее, идолопоклоннических безумствах жителей Руси, Польши, Жмуди, Литвы, Лифляндии и Пруссии и различиях между их фальшивыми богами” важны два фрагмента: в первом утверждается, что “поляки, поморяне и мазуры имели главных богов” и называли их Цицилия (*Zizilia*), Зевония (*Ziewonia*) или Дзеванна (*Dziewnna*), Лель (*Lelusem*), их мать Леда (*Lede*) [Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai II 2001, 542]; второй фрагмент: “вскоре после проводного (*Przewodnej*) воскресенья и до святого Иоанна Крестителя женщины и девушки собираются для танцев; там, взявшись за руки, повторяют: *Ладо, ладо и ладо моя!*, распевая в честь Леды (*Ledy*) или Ладоны

(*Ladony*), матери Кастора и Поллукса, хотя простые люди не ведают, откуда произошел этот обычай” [Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai II2001, 542].

В главе “Литовские, жмудские, самбийские, латышские и прусские боги” замечен еще один важный момент: в списке шестнадцати “особенных литовских и жмудских богов” под номером одиннадцать отмечен Великий Ладос (*Dzidzis Lado*) – великий бог, “в жертву которому забивали белых каплунов, а праздник его с 25 мая и по 25 июня праздновали в корчмах, а женщины и девушки танцевали на лугах и по улицам, взявшись за руки и образуя круг. И жалостно пели, повторяя: *lado, lado, lado Didis musu Dewie!*, то есть: *великий наш боже Ладос!* Что еще и ныне устраивают в Литве, в Жмуди, в Лифлянтах и на Руси” [Strykowski 1846, 147, 157; Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai II2001, 546].

Стоит обратить внимание на характер представленной в хронике М. Стрыйковского информации: а) первый и второй ее фрагменты скомпилированы (Ю. Длугош, Ян из Михочина); б) третий фрагмент склеен из первых двух, а песенный рефрен, на который обратил внимание упомянутый М. Кромер (*Ladonem*), уже назван божеством (*Dzidzis Lado*); в) указанное время обряда: у М. Кромера – Троица (Секминес), у М. Стрыйковского – 25 мая–25 июня. Таким образом, может сложиться ложное впечатление, что М. Кромер и М. Стрыйковский описывают разные обряды. Однако, учитывая, что Троица является переходящим праздником, по современному календарю в разные годы ее могут отмечать в период с 11 мая по 12 июня, по Юлианскому календарю – 24 мая–25 июня. Следовательно, и в этом аспекте М. Стрыйковский повторяет М. Кромера.

На авторство М. Стрыйковского в создании божеств *Ladonas*, *Dzidzis Lado* очевидно указывает его собственное замечание, на которое длительное время никто не обращал внимания: “... простые люди не ведают, откуда произошел этот обычай”. Ученый же, в свою очередь, знает, потому что хорошо знаком с античной мифологией. В результате припев литовской сутартине из-за фонетического сходства отождествляется с матерью Кастора и Поллукса.

О том, что для литовцев Ладос не является никаким божеством, свидетельствуют и другие фрагменты хроники того же М. Стрыйковского, на которых ранее также не акцентировалось внимание: описывая встречу князя Войшелка, сына Миндаугаса, в Кернаве в 1264 г., ученый отмечает, что господа, дворяне и простой народ встретили его с радостью, весельем, хлопая в ладоши и распевая “*lado, lado*” [Strykowski 1846, 300]. В целом же в трех местах хроники М. Стрыйковского упоминается о том, как литовцы встречают своих князей, возвратившихся после победоносных сражений, и распевают “*Lado, Lado*” [Strykowski 1846, 338, 423, 470]. Точно также, по данным письменных источников, в 1361 г. был встречен Альгирдас, вернувшийся из русских земель, а в 1385 г. – Ягайло, вернувшийся из похода на Польшу. По-видимому, ту же информацию подтверждает хроника Быховца, в которой говорится, что жители Вильнюса

древним языческим обрядом встретили великого князя Ягайло, распевая песни и хлопая в ладоши.

Еще одним аргументом, на который следует обратить внимание, является список М. Стрыйковского “Особые Литовские и Жмудские боги”, где можно отметить три очень важные детали: 1) только бог *Дидис Ладо* (*Dzidzis Lado*) не наделен никакими функциями (М. Стрыйковский их просто не знает); 2) список богов ученый составил сам: это понятно по тому, что многие имена божеств из списка известны только автору (не упоминаются в других источниках), 3) интерпретации заметны и в других случаях – прусские божества становятся общебалтийскими; к литовским богам приобщен бог пруссов Пушкайтис и т. д.

Учитывая приведенные примеры, можно сделать вывод о том, что возгласами “*lado, lado*” звали не бога. Так воспевался, восхвалялся воин, светский правитель. Такую же функцию *lado* (в разных формах) выполняет и в народных песнях.

В качестве источников некоторые исследователи литовской мифологии использовали этнографический материал епископов Жемайтии Ю. М. Карпа и М. Валанчюса. В опубликованном в 1737 г. пастырском письме епископ Жемайтии Юзеф Михаил Карп пишет: “В среду после Пасхи они не занимаются никакой тяжелой работой и будто за праздник считают, чтобы град и буря не повредили посевы, а этот день люди называют “*Leda diena*”¹ [Lebedys 1976, 200]. В “Жемайтской епархии” (1848 г.) подчеркивается, что “жемайты в среду после Пасхи даже пальцем не шевелили, потому что верили, что, отмечая этот день надлежащим образом, защитят свои посевы от града и гроз. Это было чествование богини Лады” [Wolonczevskis II 1848, 171].

Особенно рискованно использовать в качестве надежного источника материал, записанный (часто свободно переписанный) этнографами и мифологами середины XIX в., которые находились под влиянием романтизма. Уже с первой половины XVIII в. было известно, что литовцы по древнему обычаю четвертый день после Пасхи называли *Ledy diena* (день льда). В этот день не работали, чтобы град не перебил посевы, а также особенно старались не трогать землю, потому что там, где поля будут повреждены какими-либо действиями, не будет урожая: “если сосед увидит, как сосед пашет, тут же идет, чтобы предупредить: “Из-за тебя одного нам всем придется страдать, ведь нельзя сегодня трогать землю, весной град посевы погубит” [Balys 1993, 157–158]. Подобный “пережиток язычества” в 1737 г. епископ Жемайтии Юзеф Михаил Карп и назвал *Leda diena* [Lebedys 1976, 200].

По-видимому, этот день защиты ото льда, града и грозы, а если еще точнее, фонетическое сходство лексемы *ledas* (лед) с *Leda, Lada*, и уже опубликованный труд Т. Нарбутаса, в котором нет сомнений в аутентичности Леды, побудили

¹ Имеется в виду “день льда, ледяной день”. Здесь *leda* – жемайтское наречие (Р. Б.).

М. Валанчюса в середине XIX в. немного “дополнить” описание обычая утверждением о том, что это происходит в честь Лады. Одним исследователям подобное “дополнение” позволило назвать Ладу (Леду) богиней зимы, другие же ссылались на него в поисках связей между Ледой и Ладом. Впрочем, кто ищет, тот иногда находит: имеется в виду считающееся полным недоразумением утверждение П. Дунделене и ее последователей о том, что *Leda kalnis* (на местном наречии *Lada kalnis* (ледовая гора) в районе Игналины (Литва) является местом поклонения богине Ладе [Dundulienė, 1989, 65].

Припев *lado* в литовских песнях

Хвалебный возглас *lado* сохранил ту же функцию и в народных песнях (ограничимся только литовскими песнями, поскольку в фольклоре славянских народов этот рефрен широко и подробно исследован). В литовских народных песнях (сутартинес) припевы *lado*, *laduto* и пр. встречаются не очень часто. Произведения этого жанра распространены на небольшой территории современной Литвы, т. е. в северо-восточной Литве (в районах Биржай, Паневежиса, Укмерге, Рокишкиса, Утены, Зарасай, Швенченис). В припевах сутартинес *lado* или производные от этого слова попадают в таких сочетаниях: *Lado tatato, Laduto, laduto, ladoto, laduta, Ciuladele, tatato, Laduto tuto, Loduto, Loduta, Liadeli, Liada rilio, Laduto laduto, Ladutela* [Велюс 2000, 189–196].

Однако в литовских сутартинес много и других рефренов: *Duno, duini, dauno, lylio, lylia, lioj, čiūto, čiūtelė, čiutytė, sodauto, sadauto, sadūto, sudaičio, sudaučio, siudaujo, siudijo, sudolala, siudi, sadula, sadulala, sadulja, sedula, čiulado, dautuvo, dautujo, tujo, tejenti, tuto, tūto, linga, lingo*. К сожалению, ни один из них не связан с каким-либо божеством. Их функция такая же, как и у рефрена *ладо* – воспевание, восхваление, торжественный возглас, просто своеобразный акцент.

В славянской мифологии и языках слово *ладо* также известно в значении мужа и жены: в древнерусском *лада* “муж”, в украинском *ладо, лада* “муж, жена”, в болгарском *лада* “вторая дочь в семье, которая во время *ладувания*, связанного со свадебным обрядом, идет за водой”. По мнению этимологов, *лада* неотъемлема от древнерусского *ладь* “согласие, гармония, мир”, русского *лад* (происхождение – *ладо*) “обручение, помолвка; родительское благословение во время свадьбы, согласие, гармония, мир”, украинского *лад*, чешского *lad*, польского *lad*. Отсюда и русское *ладить, лажу*, украинское *ладити*, чешское *laditi*, польское *ładzić* [Этимологический словарь славянских языков XIV, 10]. По-видимому, литовцы позаимствовали *loda* “согласие, гармония”, *lada* “согласие”, *lodą gauti* “договориться” [Lietuvių kalbos žodynas VII, 639]. В балтийских языках *lado, ladoto* могут быть связаны с: 1) литовскими словами *ladyti, ladėti* “ругать, выругать”, латышским *lādēt* “ругать, бранить”; 2) латышским *lādzīgs* “прекрасный, отличный, порядочный”; 3) литовским

aplada, apladas “большая площадь, обширное пастбище”; 4) *ladutė* – “соединение ладоней, хлопок в ладоши” (Lietuvių kalbos žodynas VII, 9]. Литовские *ladyti, ladėti, išladyti* в значении “ругать, бранить” засвидетельствованы только в конце XIX в. (в словаре А. Юшки), поэтому, вероятно, это слово в XI–XV вв. могло иметь и другое значение, т.е. близкое к славянским языкам.

Выводы

1. Анализ письменных источников позволяет утверждать, что безосновательно говорить о поклонении Ладе, Ладю, Леде среди балтов. Соотнести Ладю (Ладона) с балтами (стало божеством балтов) можно лишь в случае свободной компиляции письменных источников, приписываемых славянам.

2. Балтийские источники свидетельствуют только о наличии обрядов, во время которых пелись песни с повторяющимися рефренами *lado, laduto* и пр.

3. Некритичное использование письменных источников XVI в. и работ этнографов (романтиков) середины XIX в. позволило некоторым исследователям обряды *Дня льда/ Ледяного дня* интерпретировать, как поклонение богине зимы Ладе, а *Ледакалнис* (ледяная гора) переделать в *Ладакалнис*.

4. Зафиксированная в балтийских и славянских письменных источниках и фольклоре лексема *lad-* (разные формы) принадлежит общему слою балтийской и славянской лексики.

Литература:

1. *Aleknaite, E.* Religinė sintezė: Marijos ir pagoniškujų deivių tapatumas / Eglė Aleknaite // Šiaurės Atėnai. – Nr. 10 (644). – P. 15.
2. *Balys, J.* Lietuvių kalendorinės šventės. Tautosakinė medžiaga ir aiškinimai / Jonas Balys. – Vilnius: Mintis, 1993.
3. *Balys, J.* Raštai. T. I. / Jonas Balys. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.
4. *Balkevičius, J.* Latvių-lietuvių kalbų žodynas / Jonas Balkevičius, Jonas Kabelka. – Vilnius: Mokslo, 1977.
5. *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai.* T. I–II. Sudarė Norbertas Vėlius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996–2001.
6. *Brückner, A.* Mitologia polska / A. Brückner // [In: Encyklopedii Polskiej]. – Krakow, 1918.
7. *Daukantas S.* Raštai. T. I. / Simonas Daukantas. – Vilnius: Vaga, 1976.
8. *Długosi, J.* Historiae Polonicae. Cura et impensis A. Przewdziecki. T. I. / Długosi J. – Cracoviae, 1873.
9. *Dundulienė, P.* Pagonybė Lietuvoje. Moteriškosios dievybės / Pranė Dundulienė. – Vilnius: Mintis, 1989.
10. *Dundulienė P.* Senovės lietuvių mitologija ir religija / Pranė Dundulienė. – Vilnius: Mokslo, 1990.
11. *Jucevičius, L.* Raštai / Liudvikas Adomas Jucevičius. – Vilnius: Valst. grožinės lit. I-kla, 1959.
12. *Karaliūnas S.* Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose. T. I. / Simas Karaliūnas. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2004.
13. *Klimka, L.* Senovės dievai ir mitinės būtybės / Libertas Klimka. – Vilnius: Pedagogų profesinės raidos centras, 2003.
14. *Laurinkienė, N.* Mito atšvaitai lietuvių kalendorinėse dainose / Nijolė Laurinkienė. – Vilnius: Vaga, 1990.

15. *Laurinkienė, N.* Žemyna ir jos mitinis pasaulis / Nijolė Laurinkienė. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2013.
16. *Lebedys, J.* Lietuvių kalba XVII–XVIII a. viešajame gyvenime / Jurgis Lebedys. – Vilnius: Mokslas, 1976.
17. *Lietuvių kalbos žodynas.* T. I–XX. – Vilnius, 1968 – 2002.
18. *Lietuvių mitologija.* T. I. Parengė Norbertas Vėlius. – Vilnius: Mintis, 1995.
19. *Mansikka, V. J.* Die religion der Ostslaven. T. I/V. J. Mansikka. –[in:] F. F. Communications. Nr. 43. Helsinki, 1922.
20. *Narbutas, T.* Lietuvių tautos istorija. T. I. / Teodoras Narbutas. – Vilnius: Mintis, 1998.
21. *Poška, D.* Raštai / Dionizas Poška. – Vilnius: Valst. grožinės lit. I-kla, 1959.
22. *Prātorius, M.* Deliciae Prussicae <...> / M. Prātorius. – Berlin, 1871.
23. *Stanevičius, S.* Raštai / Simonas Stanevičius. – Vilnius: Vaga, 1967.
24. *Strykowski, M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi / M. Strykowski. – Warszawa.
25. *Šeškauskaitė, D.* Erotika tautosakoje / Daiva Šeškauskaitė. – Kruonka, 2011.
26. *Šeškauskaitė, D.* Sutartinės – senovinės apeiginės giesmės / Daiva Šeškauskaitė. – Kaunas: Dakra, 2011.
27. *Urbanszyk, S.* Religia poganskich slowian / Stanislaw Urbanszyk. – Krakow, 1947.
28. *Vėlius, N.* Apie lietuvių sutartinių priedainio *lado* semantiką / Norbertas Vėlius [in:] Tautosakos darbai. T. IX (XVI). – Vilnius, 1998.
29. *Wołonczewskis, M.* Žemaitju wiskupiste. T. II. Arasze k. Motiejus Wołonczewskis. Vilniuj / Motiejus Wołonczewskis. – Vilnius, 1848.
30. *Аничков, Е. В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. От обряда к песне. Т. I. / Евгений Васильевич Аничков. –СПб.: Тип. Имп. АН, 1903.
31. *Афанасьев, А. Н.* Древо жизни / Александр Николаевич Афанасьев. – М.: Современник, 1983.
32. *Велюс, Н. О* семантике припева *lado* в литовских сутартинес / Норбертас Велюс // В кн.: Балто-славянские исследования. – Т. XIV. – М.: Индрик, 2000.
33. *Гальковский, Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: Т. 1. / Николай Михайлович Гальковский. – Харьков: Епарх. тип., 1916.
34. *Иванов, В. В.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1965.
35. *Колева, Т. А.* Болгары / Т. А. Колева // Календарные обычаи обряды в странах зарубежной Европы XIX - начало XX в. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973.
36. *Миролюбов, Ю.* Сакральное Руси / Юрий Миролюбов. – М.: Золотой Век, 1996.
37. *Мифы народов мира:* Т. I–II / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1997.
38. *Никольский, Н. М.* Происхождение белорусской свадебной обрядности / Николай Михайлович Никольский. – Минск: Изд-во АН БССР, 1956.
39. *Полное собрание русских летописей* : Т. II. – СПб., 1843.
40. *Рыбаков, Б. А.* Язычество древних славян / Борис Александрович Рыбаков. – М.: Наука, 1980.
41. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: Т. I–IV / Макс Фасмер. – М.: Прогресс, 1986 – 1987.
42. *Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – Т 1 : XXXIV. – М.: Наука, 1974–2008.

References:

1. Aleknaitė E. *Religinė sintezė: Marijos ir pagoniškujų deivių tapatumas* // Šiaurės Atėnai. Nr. 10 (644). P. 15.
2. Balys J. *Lietuvių kalendorinės šventės. Tautosakinė medžiaga ir aiškinimai.* – Vilnius: Mintis, 1993.
3. Balys J. *Raštai.* T. I. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.
4. Balkevičius J. *Latvių-lietuvių kalbų žodynas.* – Vilnius: Mokslas, 1977.
5. *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai.* T. I–II. Sudarė Norbertas Vėlius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996–2001.

Актуальні проблеми мовознавства

© Бальсис П., rimantas.balsys@ku.lt

Лада в балтійських і слов'янських джерелах (Російською)

6. Brückner A. *Mitologia polska* // [In: Encyklopedii Polskiej]. – Krakow, 1918.
7. Daukantas S. *Raštai*. T. I. / Simonas Daukantas. – Vilnius: Vaga, 1976.
8. Długoski J. *Historiae Polonicae. Cura et impensis A. Przezdziecki*. T. I. / Długoski J. – Cracoviae, 1873.
9. Dundulienė P. *Pagonybė Lietuvoje. Moteriškosios dievybės*. – Vilnius: Mintis, 1989.
10. Dundulienė P. *Senovės lietuvių mitologija ir religija*. – Vilnius: Mokslas, 1990.
11. Jucevičius L. *Raštai*. – Vilnius: Valst. grožinės lit. l-kla, 1959.
12. Karaliūnas S. *Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose*. T. I. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2004.
13. Klimka L. *Senovės dievai ir mitinės būtybės*. – Vilnius: Pedagogų profesinės raidos centras, 2003.
14. Laurinkienė N. *Mito atšvaitai lietuvių kalendorinėse dainose*. – Vilnius: Vaga, 1990.
15. Laurinkienė N. *Žemyna ir jos mitinis pasaulis*. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2013.
16. Lebedys J. *Lietuvių kalba XVII–XVIII a. viešajame gyvenime*. – Vilnius: Mokslas, 1976.
17. *Lietuvių kalbos žodynas*. T. I–XX. Vilnius, 1968 – 2002.
18. *Lietuvių mitologija*. T. I. Parengė Norbertas Vėlius. – Vilnius: Mintis, 1995.
19. Mansikka V. J. *Die religion der Ostslaven*. T. I. [in:] F. F. Communications. Nr. 43. Helsinki, 1922.
20. Narbutas T. *Lietuvių tautos istorija*. T. I. – Vilnius: Mintis, 1998.
21. Poška D. *Raštai*. – Vilnius: Valst. grožinės lit. l-kla, 1959.
22. Prätorius M. *Deliciae Prussicae* <...>. – Berlin, 1871.
23. Stanevičius S. *Raštai*. – Vilnius: Vaga, 1967.
24. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi*. – Warszawa.
25. Šeškauskaitė D. *Erotika tautosakoje*. – Kruenta, 2011.
26. Šeškauskaitė D. *Sutartinės – senovinės apeiginės giesmės*. – Kaunas: Dakra, 2011.
27. Urbanszyk S. *Religia poganskich slowian*. – Krakow, 1947.
28. Vėlius N. *Apie lietuvių sutartinių priedainio lado semantiką* [in:] Tautosakos darbai. T. IX (XVI), Vilnius, 1998.
29. Wołonczewskis M. *Žemaitju wiskupiste*. T. II. Arasze k. Motiejus Wołonczewskis. Vilniuj. – Vilnius, 1848.
30. Anichkov E. V. (1903). *Vesennyaya obryadovaya pesnya na Zapade i u slavyan. Ot obryada k pesne* [Spring ritual song in the West and among the Slavs. From the rite to the song], T. I., Sankt-Peterburg. (In Russ.).
31. Afanasyev A. N. (1983). *Drevo zhizni* [Tree of Life]. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).
32. Velyus H. (2000). *O semantike pripeva lado v litovskikh sutartines* [On the semantics of the chorus lado in Lithuanian sutartines]. [in:] Balto-slavyanskiye issledovaniya. T. XIV, Moskva: Indrik. (In Russ.).
33. Galkovskiy N. M. (1916). *Borba khristianstva s ostatkami yazychestva v drevney Rusi* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in ancient Russia]. T. I, Kharkov: Eparkh. tip. 1916. (In Russ.).
34. Ivanov V. V., Toporov V. N. (1965). *Slavyanskiye yazykovyye modelirushchiye semioticheskiye sistemy* [Slavonic language modeling semiotic systems]. Moskva: Hayka. (In Russ.).
35. Koleva T. A. (1973). *Bolgary* [Bulgarians]. [in:] Kalendarnyye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy XIX - nachalo XX v. Zimniye prazdniki. Moskva: Nauka. (In Russ.).
36. Mirolubov Yu. (1996). *Sakralnoye Rusi* [Sacred Russia]. Moskva: Zolotoy Vek. (In Russ.).
37. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. (1997). T. I–II. Glavnyi redaktor S. A. Tokarev. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
38. Nikolskiy N. M. (1956). *Proiskhozhdeniye belorusskoy svadebnoy obryadnosti* [The origin of the Belarusian wedding ritual]. Minsk. (In Russ.).
39. *Polnoye sobraniye pusskikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles] (1843). T. II. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
40. Rybakov B. A. (1980). *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
41. Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (1986-1987). T. I–IV. Moskva: Progress. (In Russ.).
42. *Etimologicheskyy slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Pod redaktsiyey O. N. Trubacheva. T. I – XXXIV. Moskva: Nauka, 1974–2008. (In Russ.).